Ответ член-корр. РАН А. В. Дыбо на открытое письмо Х. М. Акбаева

Анна Дыбо

Ответ член-корр. РАН А.В.Дыбо на открытое письмо Х.Абаева

Уважаемые коллеги!

Я ПОЛУЧИЛА ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СЛЕДУЮЩЕГО СОДЕРЖАНИЯ:

---

2 апреля 2015.

Уважаемые коллеги!

Получая по рассылке ваши посты, не могу не включиться в полемику по Итоговой резолюции.

Первое, что хотел бы сказать, коллеги, не стоит огульно обвинять Мурата Джатдаевича в единоличном авторстве или узурпации составления текста резолюции: для тех, кто не в курсе – в его составлении участвовали как участники конференции (на секциях), так и модераторы всех секций. Работа велась и перед итоговым заседанием (в ту ночь все модераторы работали до утра), и после самой конференции. Мы все в течение 3 месяцев участвовали в редактировании текста (это легко проследить по почтовым рассылкам).

Что касается недоумения А.В. Дыбо по поводу тезиза о «сомнительности алтайского родства», то она права в одном – мы на том заседании секции данный тезис не включали в резолюцию. Но, уважаемая Анна Владимировна, об этом писалось не только в докладе В.И. Рассадина, об этом говорили и некоторые другие участники конференции, в том числе и уважаемый Гарун-Рашид Абдул-Кадырович Гусейнов, и ваш покорный слуга (доклад на пленарном заседании). Тем не менее, при составлении резолюции модераторы сошлись на мнении, что вопросам глоттогенеза и глоттохронологии следует посвятить отдельную конференцию, что это проблема не только тюркологии… Но, как я понял, в последней редакции этот тезис все же появился и, видимо, с подачи некоторых модераторов, участвовавших в редактировании резолюции после конференции. И тем не менее, считаю нужным заметить, что текст резолюции нисколько не противоречит той рабочей версии, которая была озвучена на итоговом заседании конференции, текст не претерпел значительных или принципиальных изменений по сути.

Теперь о статье «Битва за аланство». Скажу честно, не хочется комментировать вступительную часть, где авторы статьи переходят на личности (явно попахивает околонаучными склоками)… Но выскажу мнение по поводу комментариев к резолюции, в частности, в области языка.

1. О полиэтничности и полилингвальности алан сказано давно (Хосе-Мануэль Гомес-Табанера, Е.П. Алексеева, У. Х. Алиев, Х.Х. Биджиев, М.А. Хабичев, В. А. Кузнецов). О значительном участии алан в сложении карачаево-балкарцев пишут и сами осетинские ученые (Г. Кокиев и В.И. Абаев, на которого ссылаются авторы комментариев). Хотеть можно что угодно и сколько угодно, но, коллеги, без новых существенных доказательств в пользу моноэтничности (или ираноязычности) алан, вряд ли возможна ревизия по данному вопросу.

2. По поводу «универсальности глоттохронологических техник и их применимости к любому языковому ареалу»: утверждая это, видимо, авторам комментариев следует признать как минимум а) необходимость их дальнейшей доработки, что косвенно подтверждается наличием в науке множества разных классификаций по тюркским языкам (В.В. Радлов, Ф.Е. Корш, А.Н. Самойлович, И. Бенцинг и К.Г. Менгес, Н.А. Баскаков и др.), б) необходимость выработки специальных методик для учета типологических особенностей языков. Так же, видимо, следует учесть недостаточность научного инструментария для филогенических выводов на современном этапе в связи со слабой изученностью тюркских языков.

3. Что касается утверждения, что «северокавказская руника пока не прочитана» и, что «ее языковая принадлежность не ясна», то оно нам представляется научно не корректным и ангажированным. Иначе как можно игнорировать многочисленные труды ученых, дешифровавших огромный корпус древнетюркских рунических памятников Восточной Европы, в том числе и «кубанского варианта» данной письменности (Артамонов М.И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища // СА. 1954, №19, с. 263-268; Байчоров С.Я, Древнетюркские рунические памятники Европы: Отношение северокавказского ареала древнетюркской рунической письменности к волго-донскому и дунайскому ареалам.-Ставрополь: Кн. изд-во, 1989; Кляшторный С.Г. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки // СА, 1979, №1; Хабичев М.Я. О древнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах //СТ. 1970. №2; Щербак А.М. О рунической письменности в Юго-Восточной Европе // СТ, 1971, № 4).

Не понятно так же, почему авторы комментариев своим ни чем не аргументированным суждением типа «где именно карачаево-балкарский язык получил свои булгаризмы — на Кавказе или в Предкавказье, или еще где-то — неясно» пытаются

поставить под сомнение тезис «об архаичности древнего западнотюркского субстрата в формировании тюркского ядра карачаево-балкарского языка». А разве на этих же территориях не жили булгары? В этой связи, хочется напомнить, что карачаево-балкарцы по антропологии являются автохтонами, вследствие чего их язык не мог бы «получить свои булгаризмы <…> или еще где-то».

4. Утверждение, что «булгаризмы в карачаево-балкарском языке немногочисленны и однозначно опознаются как заимствования; структурного влияния булгарский язык на карачаево-балкарский не оказал» более чем сомнительно. Напротив, материалы карачаево-балкарского языка показывают обратное: а) булгаризмы (на фонетическом, морфологическом и на лексическом уровнях) относятся к наиболее архаичному пласту карачаево-балкарского языка; б) в количественном отношении выявленный в карачаево-балкарском языке булгарский материал, во-первых, превосходит подобные материалы других языков и, во-вторых, они проявляются на более глубоком уровне, нежели в других языках (по крайней мере, по состоянию к их современной изученности), что говорит об их субстратном характере. В этой связи, как раз таки небесспорно то, что современной наукой карачаево-балкарский язык генетически отнесет к кыпчакской подгруппе (к западно-кыпчакской ее ветви). При генеалогической классификации более корректным было бы начинать стратификацию от субстратного к адстратному, т.е. от булгарского к более поздним кумано-кыпчакско-огузским пластам.

Теперь об утверждении будь-то булгаризмы в карачаево-балкарском языке «однозначно опознаются как заимствования». Интересно, это кем так опознается: носителями языка? или наукой? Так вот, булгаризмы носителями воспринимаются как исконное, архаичное, истинно карачаево-балкарское. А в науке, кажется, еще не было сколь-нибудь теоретически обоснованного высказывания по этому поводу. Так откуда родилось это научно неподтвержденное утверждение и для чего авторы комментариев использовали столь неприглядный прием в своей полемике?

5. И еще, извините за любопытство, не могу не спросить вот о чем – среди авторов комментариев есть ли специалист, владеющий если не карачаево-балкарским, то хотя бы каким либо другим тюркским языком? Ибо это нонсенс, судить о языке (о его фонетике, фонологии, морфологии или лексике) не зная самого языка.

Завершая свой пост, если позволите, хотел бы сказать и об эмоциональной стороне, об ощущениях, о впечатлении от статьи «Битва за аланство». Пока читал, меня, от первой до последней буквы, не покидала мысль, что идеологом и автором статьи является тюркофоб а-ля 30-50 годов прошлого века, у которого забрали столь привычный Чупа-чупс. Но сами комментарии к резолюции все же убедили меня в том, что это, возможно, одна из форм научной полемики, что авторы высказывают свою позицию, пусть даже иногда с налетом менторства, не допускающая вариантов. И все же хочется, что бы полемика была корректной (в рамках этических стандартов международной науки), научно аргументированной, чтобы мы слышали друг друга.

С уважением, Харун Акбаев.

ВОТ МОЙ ОТВЕТ УВАЖАЕМОМУ ХАРУНУ МУДАЛИФОВИЧУ АКБАЕВУ.

Ситуация действительно проясняется, если учитывать, что модераторы работали над текстом резолюции после окончания конференции. Отмечу по этому вопросу, однако, что куски текста, вставленные после окончания конференции, тем самым не были проголосованы на заключительном заседании.

Затем, я прекрасно помню, что на конференции были выступления против алтайской гипотезы, и это, конечно, совершенно нормально, но я, так же, как и модераторы, принимавшие решения, полагаю, что это вопрос , который должен решаться не на конференции по этногенезу карачаево-балкарцев. К тому же замечу, что по сравнительно-исторической процедуре доказать, что тюркские языки не родственны монгольским и тунгусо-маньчжурским, можно только, если получить доказательство того, что тюркские языки входят в индоевропейскую, австронезийскую или еще какую-нибудь доказанную семью. Для этого следует представить корпус тюркско-австронезийских лексических соответствий с предъявлением регулярных фонетических правил вывода, связывающих их. Увы, никакого другого представления о языковом родстве, кроме как о регулярной выводимости форм языков-потомков из праязыка, в лингвистике не существует. На типологических характеристиках генеалогическая классификация языков, кстати, не делается — это ошибка, к сожалению, совершаемая время от времени лингвистами-типологами. См. по этому поводу мою недавнюю статью в «Трудах ОИФН» (*Дыбо А.В.* Современные данные о родственных связях языков Евразии // Труды Отделения историко-филологических наук — 2014. М.: Наука, 2015, с. 334-373).

Теперь по пунктам комментария к статье «Битва за аланство».

1. Участие аланов в этногенезе карачаево-балкарцев, по-моему, вполне может быть реальным, но это ничего не говорит о полилингвальности аланов. Так же, как участие финно-угров или татар в этногенезе русских ничего не говорит о полилингвальности финно-угров или татар. Наличие же засвидетельствованных аланских слов, легко опознаваемых как восточно-иранские, говорит об их ираноязычности; а аланских слов другого происхождения надежно не засвидетельствовано.

2. Глоттохронологические техники, безусловно, нуждаются в доработке, но текст резолюции демонстрирует поверхностное знакомство авторов с тем, что такое глоттохронология. В частности, ни особенности пратюркской фонетической реконструкции, ни упомянутые классификации тюркских языков не имеют к глоттохронологии никакого отношения. Эти классификации построены на классическом методе «общих инноваций»; как мы видим, этот классический метод может давать несколько различные результаты у разных исследователей, но в общих чертах эти результаты вполне изоморфны; в частности, все они отделяют чувашский от других языков; все они выделяют кыпчакские и огузские языки и демонстрируют некоторую удаленность тюркских языков Сибири. Надо сказать, что применение глоттохронологического подсчета дает также древо, характеризующееся этими чертами, особенно, если пользоваться не данными тюркских литературных языков, а данными диалектов (см., например, дерево в томе ЭСТЯ, посвященном реконструкции пратюркского «Сводешевского списка»: *А.В.Дыбо.* Этимологический словарь тюркских языков. Том 9 (дополнительный): Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана, 2013, с. 15). Вообще же глоттохронология помогает нам получить абсолютные датировки разделения ветвей, которые иначе могут быть построены только на косвенных данных.

3. Что касается прочитанности рунических памятников Восточной Европы, то могу заметить вот что. Ни в упомянутой статье М.И. Артамонова, ни в статье С.Г. Кляшторного , ни в статье М.А. Хабичева не дается прочтений «огромного корпуса» восточноевропейских рунических надписей; в статье Артамонова говорится только, что опыт чтения надписей на камнях Маяцкого городища и на баклажках Новочеркасского музея А.М. Щербаком как тюркоязычных заслуживает серьезного внимания; С.Г. Кляшторный прочитывает приблизительным образом 16 знаков на амфоре; статья М.А. Хабичева в СТ содержит, опять же , предположительное чтение нескольких очень коротких надписей и сопровождается осторожным примечанием от редакции: «Публикуя данную статью, редакция считает необходимым подчеркнуть, что древнетюркские рунические надписи, обнаруженные в Аланских катакомбах, даны в авторском чтении. Редакция надеется, что по статье М.А. Хабичева выскажутся и другие специалисты».

Статья А.М. Щербака приводит, в частности, несколько очень разных вариантов прочтения одних и тех же надписей разными учеными и комментирует: «Вероятнее всего, ни один из приведенных вариантов чтения не является окончательным, и все они представляют собой лишь опыты дешифровки, проверка которых будет производиться по мере выявления новых материалов. Напомним в связи с этим, что именно так рассматривал свою попытку чтения надписей на баклажках Новочеркасского музея и камнях Маяцкого городища почти двадцать лет тому назад автор настоящей статьи: «Во всяком случае вопрос о языке, месте и времени составления надписей пока не ясен… Не исключена возможность, что со временем появится более совершенная попытка истолковать найденные руны».

Основной источник, «читающий» эти надписи и содержащий действительно большой корпус — книга С.Я. Байчорова. Она, действительно, в свое время произвела впечатление разорвавшейся бомбы, однако вскоре на нее появились несколько очень жестких отзывов (см., в частности, *E. Tryjarski.* Has a key been found to decifer the Eurasian scripts of the Runic type? // Laut- und Wortgeschichte der Türksprachen: Beiträge des Internationalen Symposiums Berlin, 7. Bis 10. Juli 1992. Wiesbaden, 1995), в которых доказывалось, что автор крайне неточно работал с памятниками; и в настоящее время в мировом тюркологическом сообществе не принято относиться к этой дешифровке серьезно. Поэтому, например, на международном симпозиуме «Marginale Formen des alttürkischen Schrifttums: Nicht-klassische alttürkische Runeninschriften im Zentrum Eurasiens und ihre Entzifferung» («Маргинальные формы древнетюркского письма: Не-классические древнетюркские рунические надписи в центре Евразии и их дешифровка». Берлин, 22-26 ноября 2012 г.), проводившемся под руководством крупных тюркологов М. Эрдала и К. Шонига, при участии И.В. Кормушина, Д.М. Насилова и О. Серткая — все известнейшие рунологи — было вполне официально решено, что пока особого оптимизма в отношении дешифровки этих «руноподобных» памятников испытывать не приходится. Лично я, вслед за А.М. Щербаком, полагаю, что считать эти тексты тюркскими наиболее естественно, но тем не менее, пока большой объем их не получил единственно убедительного прочтения, опираться на них как на аргумент в доказательстве чего бы то ни было методически неверно.

4. Что касается моей фразы «Где именно карачаево-балкарский язык получил свои булгаризмы — на Кавказе или в Предкавказье, или еще где-то — неясно», то хочу напомнить, что место венгеро-булгаро-аланских контактов сейчас различными исследователями локализуется по-разному – одними в Волго-Уральском, другими в Доно-Кубанском регионе (см., напр., *A. Róna-Tas.* Néhány megjegyzés faneveinkről (Bükk, dió, gyertyán, gyümölcsény, gyürüfa, éger, kőris, mogyoró, tölgy) // Magyar Nyelv. 2005: 419-438. Búdapest; *Idem.* Turkic-Alanian-Hungarian Contacts // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2005, 58: 205-213). Место (места) булгаро-кыпчакских контактов также могут в принципе располагаться на протяжении всей этой территории. То, что карачаево-балкарцы по антропологии являются автохтонами, опять же, ровно ничего не говорит об их языке.

То, что «булгаризмы носителями воспринимаются как исконное, архаичное, истинно карачаево-балкарское» – конечно, ничего не говорит об их этимологическом статусе. В молодости я очень любила шокировать дилетантов, обращавшихся ко мне за советом как к этимологу, сообщая им, что слова армяк, утюг и творог — тюркского происхождения, им трудно было представить себе что-нибудь более «истинно русское». Еще раз повторю, что структурно булгарский язык не оказал существенного влияния на карачаево-балкарский; кто в этом сомневается, может попробовать поговорить с чувашом по-карачаево-балкарски, уверяю, что степень взаимопонимания будет существенно ниже, чем с казахом или с турком.

5. Что касается владения тюркскими языками, то, конечно, уважаемый Харун Мудалифович прав, я не являюсь носителем ни одного тюркского языка (разумеется, наличия одной из прабабушек – мишарской татарки тут недостаточно, в семье не говорили на татарском). Все же я могу объясниться на турецком, татарском и хакасском языках, читаю на древнеуйгурском, чагатайском, староосманском, турецком, азербайджанском, кумыкском, татарском, башкирском, казахском, алтайском, хакасском, тувинском, якутском и чувашском языках (из других алтайских – на письменно-монгольском, монгольском, маньчжурском, корейском и средне-корейском, значительно хуже – на японском; из уральских – на венгерском и финском). Специально фонетикой, в том числе инструментальными методами, занималась на тувинском, хакасском, алтайском, азербайджанском, башкирском и чувашском материале (а кроме того, на лакском, бежтинском и будухском языках дагестанской группы).

Обвинение же в «тюркофобии», мне кажется, значительно более приложимо к случаю, когда человека чем-то уязвляет его принадлежность к тюркскому этносу, не удовлетворяет наследие великой тюркской культуры и языка, и он начинает искать великих предков «на стороне», не слишком утруждая себя доказательствами.

С уважением,

член-корр. РАН А.В. Дыбо.